

2. Лавлинский С.П. Мифологемы «ребенка-жертвы» и «ребенка-палача» в сюжете драмы (подступы к изучению) / С.П. Лавлинский // Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: проблема героя: материалы научно-практических семинаров, 23-24 апреля 2011, г. Самара / сост. и науч. ред. Т.В. Журчева. – Самара, 2012. – С. 17-29.

3. Леванов В.Н. Выглядки [Электронный ресурс] / В.Н. Леванов // Режим доступа: <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/pjesa/vyglyadki> (дата обращения: 27.03. 20).

*М.Е. Тарабина (Россия, Самара)
Научный руководитель Л.Г. Тютелова*

ПОЭТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ГЕРОЙ ЧЕХОВСКОЙ ДРАМЫ

В статье обозначены авторские приемы создания образа героя новой драмы, а также его особенности, которые обуславливают наличие новой поэтики – поэтики неопределенности. В работе сравниваются персонажи чеховских «Трех сестер» и «Свадьбы» и доказывается, что образы героев чеховского водевиля создаются в соответствии с теми же поэтическими принципами, что и герои «большой драмы».

Ключевые слова: «новая драма», поэтика неопределенности, герой драмы.

В драме нового времени авторы стремятся показать своему читателю картину жизни «как она есть». Они ее рисуют с помощью действия, в котором принимают участие герои сообразно своим характерам. Особенность этих героев – наличие индивидуального понимания жизни, по отношению к которому у каждого (в их число входит и сам автор) возникает собственное отношение, собственная оценка.

Но А.П. Чехов не дает оценки своему персонажу, а потому мы не видим ясно выраженной автором индивидуальной позиции. Более того, задача Чехова – побудить читателя/зрителя к пониманию не автора, а себя. Отсюда особенности авторских приемов создания образа героя. Причем до сих пор остается нерешенным вопрос: новая поэтика – это поэтика только больших чеховских пьес или и его водевилей?

Мы предполагаем, что, создавая нового героя, используя поэтику, которую можно назвать поэтикой неопределенности, автор создает условия для коммуникации с читателем/зрителем нового типа и в своих водевилях. Здесь и далее мы будем сравнивать «Три сестры» и «Свадьбу», чтобы наглядно показать сходства и различия между героями «большой» и «маленькой» пьесой Чехова.

Так, в «Трех сестрах» герои выступают как сильные личности, готовые предпринимать шаги для достижения собственного счастья, но позже под воздействием разных обстоятельств оставляют эти попытки: «О, я несчастная...

<...> Мне уже двадцать четвертый год, работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, я в отчаянии! И как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю...» (Ирина) [2, с. 175].

Автор создает образ героинь с помощью ремарок, через речь других персонажей, а также, когда девушки уже отчаялись, использует монолог-самохарактеристику. К тем же приемам обращается Чехов в водевиле. Вот, например, монолог Апломбова: *«Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделывать ногами кренделя. Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях»* (Апломбов) [1, с. 106]. Кроме того, герой ведет борьбу за приданое своей невесты, которая порождает оценку его образа другими персонажами и автором в ремарках.

Правда, герои водевиля сражаются за желаемое с большей энергией, нежели персонажи «Трех сестер». Однако в обоих случаях никто из них не получает свое. Но здесь важнее, что они чувствуют, что они о себе думают и как себя характеризуют.

Характеры персонажей у Чехова не резко очерчены, а размыты, неопределенны; они исключают деление на «положительных» и «отрицательных». Хотя при всей сложности образов в большой пьесе появляется герой, который кажется отличающимся от остальных своей однозначностью. Например, Наташа в «Трех сестрах». Но если посмотреть на мир с позиции Наташи, то она не такой уж однозначный персонаж. В пьесе современного драматурга Натальи Мошиной «Розовое платье с зеленым пояском» Наташа становится спасением семьи Прозоровых в последующие годы, когда ее приземленность, умение заниматься бытовыми вопросами, практичность оказываются качествами, востребованными катастрофическим, революционным временем. Образ Наташи, созданный Мошиной, это рецепция чеховского образа, раскрывающая его потенциальные возможности, обозначенные Чеховым.

Герои водевиля у Чехова также неоднозначны. Например, Настасья Тимофеевна, при всей своей робости и ранимости, может грамотно управлять ситуацией и увилить от требований Апломбова о приданом.

Однозначными персонажи кажутся только невнимательному читателю/зрителю. Для него на первый план выходят такие черты, как пренебрежение трудом, сквернословие, вранье, деньги и карьера. Так, Апломбова в день свадьбы больше интересуют «выигрышные билеты», чем собственная невеста, а Нюнин врет всем, что привел генерала (на самом деле капитана). Но такими же однозначными могут показаться и герои больших пьес, как Андрей в «Трех сестрах», заложивший Прозоровский дом. Но его стремление к деньгам и положению – не постоянная характеристика, Прозорова интересуют и другие более важные вещи. А это свидетельствует о том, что и у водевильных чеховских героев нужно искать иные интересы.

Помогают этим поискам средства создания образа героя – индивидуализация речи («Каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком»); характеристики героя с помощью других персонажей; с помощью обозначения привычек и манер героя. При этом сложность чеховской ситуации состоит в том, что чеховский человек (особенно в пьесах, написанных после «Иванова») не стремится выразить однозначно свое понимание окружающей его действительности, свою идеологическую позицию. Он погружен в себя, старается понять, что с ним происходит или что он такое и т.п. Этот процесс сложный. Его результаты очень субъективны. Любой другой не может быть уверен в правильности понимания того, кого видит и стремится оценить.

Чтобы подтвердить наши предположения, приведем примеры из водевиля «Свадьба». Каждый герой, действительно, индивидуализирован с помощью своей речи. Так, мы можем четко видеть различия в речи героев: Апломбов настойчив и требователен, Настасья Тимофеевна очень ранима («*Эпаминонд Максимыч, еще и дня нет, как женился, а уж замучил ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будет через год? Нудный ты, ух нудный!*») [1, с. 107]), Змеюкина постоянно требует ее обхаживать («*Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?*») [1, с. 109]), Дымба немногословен и уверен («*И грузди есть. Все есть.*») [1, с. 114]), а генерал вообще говорит только о морской службе («*А вот, если идя полным ветром и надо... и надо поставить брамсели и бом-брамсели! Тут уж надо командовать: салинговые к вантам на брамсели и бом-брамсели...*») [1, с. 118]).

В речи Апломбова мы находим монолог-самохарактеристику: «*Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях*» [1, с. 106]. У него же мы находим стремление к деньгам и карьере: «*Я с вами, папаша, вполне согласен. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле...*» [1, с. 111]. Он постоянно интересуется, где же приданое, которое должно было прийти к нему вместе с невестой. В итоге возникает противоречивый образ героя, который стремится быть образчиком порядочности, а на самом деле достаточно циничен. Это читателю/зрителю необходимо додумать и понять самому.

Также стоит обратить внимание на персонажей, которые увлечены своими внутренними переживаниями, темами. Так, кроме генерала, увлеченного рассказами о матросах, и Апломбова с его темой приданого, следует сказать о Жигалове (он все время расспрашивает о быте Греции), Яте, который говорит о трудностях службы на телеграфе, Змеюкиной (хоть она и акушерка, но с ней связана тема музыки). Все эти люди по-своему одинокие и ненужные, но Чехов не говорит об этом прямо, читатель/зритель должен понять, что в итоге все поглощены самими собой и никто никому не нужен.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что с помощью поэтики неопределенности, создавая нового героя, Чехов дает свободу выбора каждому

читателю или зрителю как в большой драме, так и водевиле. Человек, который будет воспринимать чеховское произведение, волен сам решить, какие для него персонажи – «положительные» или «отрицательные». Заранее известная авторская оценка не затуманивает сознание и заставляет читателей/зрителей делать выбор самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Том 12. Пьесы 1889-1891. – Москва: Наука, 2011. – 373 с.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Том 13. Пьесы 1895-1904. – Москва: Наука, 2011. – 551 с.

*А.Ю. Чиглаков (Россия, Самара)
Научный руководитель Т.В. Журчева*

БОГ ИЛИ РОК: В ЧЁМ ТРАГЕДИЯ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО?

В повести Леонида Андреева сталкиваются темы рока и веры. Вера главного героя вступает в противостояние с несчастьями, в которых проявляется тема рока. В статье анализируются взаимоотношения главных героев повести и образ самого о. Василия. Наблюдение за взаимоотношениями о. Василия с героями повести и его отношением к року позволяет выявить характер «обреченности» веры о.Василия, её неистинности. В ней не оказывается главной христианской добродетели – любви. Такая «пустота» веры оборачивается для о.Василия безумием и приводит к трагическому финалу повести. Сама же она не выдерживает испытания роком.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», тема рока.*

Одна из главных тем повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» – тема рока, возникающая с первых страниц повести, с первого её предложения. Мотив рока есть уже в фамилии героя, которая отсылает к легенде об Эдипе. Безусловно, главный образ, в котором воплощается рок в рассказе Андреева – образ младшего сына о.Василия. У него есть имя – в стремлении «воскресить» погибшего старшего Васю, его также нарекают Василием, но, «в безумии зачатый, безумным явился он на свет» – и в тексте он практически везде называется Идиотом.

Герои повести не борются с роком прямо – они пытаются «закрыться» от него, спрятаться, видимо, понимая всю тщетность этих попыток. Физически это проявляется в одну из ночей, когда попадая в приступе безумия пытается загородить мебелью дверь в комнату, где спит Идиот.